

УДК 165.12

DOI: 10.17223/1998863X/34/13

Г.С. Рогонян

В ЗАЩИТУ НАИВНОЙ СЕМАНТИКИ И ЕЕ ОБЪЕКТОВ

Цель данной статьи – указать на пробел в нашем понимании того, как, начиная с раннего возраста, у человека складываются интуитивные представления о том, что такое язык и мышление, и какая между ними связь. Совокупность таких интуиций можно условно назвать наивной семантикой, которая часто в том или ином виде выступала мишенью для философской критики. Главный тезис статьи заключается в том, что такая критика во многом недооценивает значение наивной семантики для интеллектуального развития человека, а также отчасти неверно описывает ее происхождение. В частности, в статье говорится о том, что менталистские идиомы, характеризующие наивную семантику, представляют собой не вторичное и паразитирующее функционирование языка, а необходимый и предварительный этап в усвоении человеком абстрактных, в том числе и научных, понятий.

Ключевые слова: наивная семантика, пропозициональные установки, ментализм, холизм.

Будучи частью здравого смысла, наивная семантика соответствует нашему повседневному представлению о том, что такое язык, на котором мы говорим, и как он соотносится с мышлением. Поэтому неудивительно, что наивная семантика часто выступает мишенью для критики (и вполне обоснованной) со стороны многих философов и ученых. Однако защита наивной семантики в данном случае подразумевает не столько защиту ее от критики, сколько то, что, признав справедливость многих критических замечаний в ее адрес, мы можем при этом недооценить ту роль, которую она играет в становлении уже научных понятий. Разумеется, справедливой можно считать критику многих привычных для нас представлений, которые в зависимости от своего содержания и направленности получают (иногда слегка пренебрежительное) определение «народных теорий», будь то психология, социология или даже физика¹. И мотивы для такой критики вполне понятны, поскольку она носит скорее методологический характер: необходимо избегать ситуаций, когда повседневные и интуитивно очевидные представления об устройстве мира могут оказаться на «рабочем столе» ученого среди прочих инструментов исследования и анализа.

В наивной семантике можно выделить две традиционно главные мишени для критики, которые одновременно составляют ядро, или основу, этой семантики. Прежде всего, это интуитивное представление о языковом значении как особой нематериальной сущности. Второе, это представление об истине как о соответствии мыслей и слов реальному положению дел в мире. В пер-

¹ Впрочем, в последнее время оценка «народных теорий», в том числе и наивной семантики, начинает радикально меняться. В частности, наивные и «народные» представления относительно того, как устроен мир, часто используются в исследованиях искусственного интеллекта, в теории программирования и, в конечном счете, для изучения самих естественных языков. Наиболее показательными в этом отношении можно считать работы [4] и [10].

вом случае наивную семантику можно охарактеризовать как лингвистический эссенциализм, во втором – как корреспондентную теорию. Впрочем, к первым двум характеристикам можно добавить и третий характерный признак – атомизм, т.е. представление о том, что мышление – это череда или совокупность тесно связанных, но при этом относительно автономных друг от друга мыслей.

В принципе, нам в данном случае не важно, как понимать значение языковых выражений, будь то имена, предикаты или целые предложения, если мы заранее допустим, что все они служат для *выражения* наших мнений относительно положений дел в мире. Важно только то, что мысли считаются существующими независимо от самих средств для их выражения. Собственно, мысль, выражаемая неким предложением, складывается, с этой точки зрения, из тех значений, которые как бы стоят за теми словами, которые и входят в данное предложение. Именно такое понимание мысли как особого семантического объекта, благодаря которому наши высказывания обладают смыслом, и является основной характеристикой наивной семантики.

Стоит отметить, однако, что философы и ученые обычно критикуют наивную семантику не напрямую, а в том виде, в каком она предстает в классической семантике, прежде всего в семантике Г. Фреге и Б. Рассела. В ней мысль, выражаемая предложением, является объектом пропозициональных установок, т.е. пропозиций. Наиболее серьезной критике наивная семантика и свойственные ей черты, в разной степени представленные в тех или иных семантических теориях, подверглись со стороны так называемого сентенциализма, яркими представителями которого являются, прежде всего, У.В.О. Куайн и Д. Дэвидсон. В частности, они поставили под сомнение, или даже прямо отвергали, пропозиции как инструменты анализа. Основой для любой теории относительно того, как функционирует наш язык и как наши высказывания становятся осмысленными, является лингвистическое поведение людей, т.е. произносимые в определенном контексте предложения, а не какие-то ментальные сущности, стоящие за этим предложением. Приписывание кому-либо мыслей как объектов пропозициональных установок является, по их мнению, *результатом* интерпретации чьего-либо поведения, а не ее отправной точкой. В свою очередь, истина понимается ими, прежде всего, как семантическое понятие, а не эпистемологическое: она является свойством определенного языка и характеризует его работу как бы изнутри, не являясь при этом отношением между познающим мышлением и противопоставленным ему миром. И наконец, стоит отметить холизм как установку (вопреки атомизму классической семантики) на принципиальную взаимозависимость наших мыслей, а также предложений, с помощью которых мы эти мысли приписываем себе и другим. Только благодаря такой взаимозависимости наши мысли получают свое концептуальное содержание, а наши высказывания становятся осмысленными.

Ни в коей мере не ставя под сомнение основные положения этой критики, полностью принимая и даже основываясь на них, можно тем не менее предположить, что подлинное значение наивной семантики не было должным образом оценено. И вот почему. Как уже было сказано, Куайн считал, что в философии языка мы должны обходиться без таких понятий, как значение и пропозиция, занимая строго экстенсionalистскую точку зрения и принимая

во внимание только наблюдаемое поведение индивидов, а также данные естественных наук. Значение и пропозиция как семантические объекты не могут быть инструментами анализа, поскольку именно своего объяснения они и требуют. В основе исследования языка должен лежать анализ вербального поведения и вербальных диспозиций. То же самое относится и к ментальным объектам и вообще ко всей категории ментального. Все, с чем мы в их случае имеем дело – это менталистские *идиомы*, используемые в повседневной речи ради удобства коммуникации. Иными словами, это именно практические инструменты, а не теоретические, и необходимы они лишь для того, чтобы облегчить понимание речи и поведения других людей. Понятие ментального объекта используется здесь подобно числу или в качестве меры для того, чтобы было легче «считать» и предсказывать сложные поведенческие структуры в постоянно изменяющихся условиях. Однако, в отличие от чисел и некоторых других абстрактных объектов, мысли и значения в меньшей степени наделены устойчивым тождеством и строго фиксированными отношениями между собой. Куайн указывает, что иногда довольно сложно отличить одно значение от другого, провести четкую границу между одной мыслью и другой¹. Поэтому все менталистские идиомы Куайн, в отличие от строгих идиом науки, относил к словарю «второго сорта» [16. Р. 24]. Иными словами, не может быть такой науки, как семантика, потому что нет таких вещей, как значения, которые бы она исследовала. Это же относится и к философии сознания, которую Куайн называл еще одной диспозицией, в данном случае теоретической. Иными словами, это диспозиция принимать всерьез существование таких ментальных сущностей, как идеи, впечатления, переживания, чувственные данные и т.д., и пытаться их исследовать [14. Р. 253]². Такой инструментализм и редукционизм в отношении ментального и семантического получил в дальнейшем широкое распространение.

Так, Дэвидсон, хотя и занимал гораздо более умеренную и антиредукционистскую позицию в отношении значений и ментальных состояний, также выступал с критикой понятия ментального объекта, указывая на то, что именно использование этого понятия является источником путаницы и ложных проблем в философии [9]. Дело в том, что ментальный объект, как правило, считается непосредственно данным чьему-либо сознанию и эпистемологически прозрачным, т.е. относительно этого объекта невозможно ошибаться, поскольку о нем все известно. На что Дэвидсон отвечал, что таких объектов в принципе не существует, поскольку сама используемая категория объекта и навязываемая ею перцептивная модель познания не предполагают такой возможности: ни об одном объекте невозможно знать абсолютно все [9. Р. 58; 5. Р. 37]. С другой стороны, апелляция к мысли как к семантическому объекту приводит уже не к эпистемологическим трудностям, а к тому, что мы утрачиваем, как говорит Дэвидсон, семантическую невинность:

¹ То же самое касается и понятия свойств – не всегда можно точно сказать, имеем ли мы дело с одним или с двумя [15. Р. 144–145; 16. Р. 19]. Ср.: «Числа и классы для нас предпочтительнее из-за той мощи и гибкости, которые они привносят в теоретически физику и вообще в систематический дискурс о природе. А пропозиции и атрибуты нежелательны по причине их нерегулярного поведения в отношении тождества и подстановки» [12. Р. 97–98].

² Ср.: «Философия сознания в качестве вербальной диспозиции является, помимо всего прочего, не столь уж далекой от популярных укореившихся установок» [13. Р. 253].

Со времени Фреге философы утвердились во мнении, что предложения содержания в разговоре о пропозициональных установках могут странным образом указывать на такие сущности, как интенционал, пропозиции, предложения, высказывания и надписи. Странной эту идею делают не эти сущности, с которыми все в порядке, когда они на своих местах (если таковые имеются), а представление, согласно которому слова, означающие планеты, людей, столы и гиппопотамов в косвенной речи, могут сменить эти обычные референты на экзотические. Если бы мы смогли вернуть себе нашу семантическую невинность, которой мы обладали до Фреге, то, я думаю, нам показалось бы совершенно невероятным, чтобы слова «Земля вертится», произнесенные после слов «Галилей сказал, что», значат что-либо или указывают на что-либо еще кроме того, что они обычно значат или на что указывают в других обстоятельствах [2. С. 160–161]¹.

Очевидно, что Дэвидсон имеет в виду здесь, прежде всего, *теоретическую* невинность, обрести которую можно, только если избавиться от пережитков семантической наивности².

Тем не менее от внимания подобной критики ускользает то, откуда вообще взялось это наивное представление о мыслях и значениях как о чем-то субъективно внутреннем или, иначе говоря, как о сущностях особого рода, к которым у каждого человека есть уникальный привилегированный доступ, причем даже в том случае, когда речь идет о чем-то общеизвестном³. Действительно, полезность менталистских идиом в повседневном обиходе еще не объясняет их существование, поскольку сама эта полезность требует своего объяснения. Более того, можно предположить, что в том, как многие философы описывают генезис, роль и функционирование семантического объекта, пропущен один важный шаг, восстановление которого привело бы к переоценке значимости наивной семантики и менталистских идиом для исследования языка, а не только для повседневного общения.

Так, например, сам Куайн часто отмечал, что при обучении детей речевым навыкам для описания событий и объектов окружающего мира («Это собака, а не кошка») мы уже, хотя бы неявно, должны руководствоваться менталистскими идиомами («Она *видит*, что это собака, а не кошка»). Использование таких идиом, по мнению Куайна, является частью того механизма, за счет которого язык выживает, передаваясь от поколения к поколению [17. Р. 325–326; 14. Р. 351]. Предполагается, что в дальнейшем ребенок овладеет и этими второпорядковыми идиомами, наряду с первопорядковыми констатациями. Но Куайн, подробно описывая развитие у ребенка различных способов референции, завершающим этапом которого является способность

¹ Ср. также: «Наконец, если такие сущности, как значения, суждения и объекты мнений, имеют законное место в объяснении речевого поведения, то только потому, что можно показать, что они играют полезную роль в построении адекватной теории. Нет никаких причин полагать заранее, что эти сущности окажут какую-либо помощь, и поэтому идентификация значений выражений и объектов мнений не может быть независимой целью анализа» [1. С. 212–213].

² Впрочем, а была ли вообще когда-нибудь эта «эпоха невинности»? Ведь и до Фреге некоторые философы сожалели о чем-то подобном. Критика Беркли абстрактных понятий – только один из таких примеров.

³ Собственно, теоретическое осмысление этого противоречия – между приватным и одновременно всеобщим характером содержания наших мыслей – имеет давнюю историю, т.е. историю попыток согласовать эти два аспекта. Многие философские теории можно рассматривать как попытки навести порядок в том, что сегодня называют наивной семантикой.

использовать абстрактные понятия, почти нигде четко и ясно не говорит о том, *как* именно ребенок будет овладевать этими идиомами и вообще референцией к ненаблюдаемым ментальным объектам. Он только отмечает необходимость такого этапа в его развитии.

Действительно, в том, как Куайн детально описывает обретение ребенком способности говорить об объектах, его интересует, прежде всего, возможность квантификации, т.е. способность к индивидуации физических объектов как особой онтологической категории. Впрочем, это и неудивительно, поскольку конечной целью в этом описании являются абстрактные понятия и понятия науки. Например, понятие «яблоко» в какой-то момент уже не будет стоять в одном ряду с «вода», «мама» и «красный». Прежде всего, оно перестанет быть массовым термином, предполагая способность ребенка к индивидуации отдельных вещей, а затем и общим термином, относящимся не только к наблюдаемым объектам, но и ко всему множеству объектов подобного рода [19. Р. 90–95]. Ключевым моментом в обретении ребенком онтологии привычного нам мира объектов является его способность осознавать тождество объектов во времени и пространстве, что и проявляется в усвоении им демонстративов «этот», «тот» и т.д. Однако значения и ментальные объекты, по мнению Куайна, могут быть вписаны в эту онтологию только «на птичьих правах», поскольку именно такого тождества им и недостает. То же самое Куайн говорит и об атрибутах, модальностях и прочих *entia non grata* – все они обязаны своим относительным тождеством лишь грамматической аналогии с описаниями физических объектов [16. Р. 19, 23]. Чаше всего он говорит о них как о неизбежных дефектах референции. Но на вопрос о том, что именно делает эти дефекты неизбежными, Куайн четкого ответа не дает, ссылаясь, главным образом, на регулярное и неизбежное смешение использования и упоминания языковых выражений и знаков. Результатом такого смешения является то, что знаки овеществляются, провоцируя те же эффекты, что и непосредственное восприятие объектов. Однако такое гипостазирование знаков и языковых выражений, будучи, как однажды заметил Куайн, первоначальным грехом языка, необходимо нам, помимо всего прочего, для образования абстрактных объектов и вообще новых видов референции [16. Р. 15]. Более того, оно необходимо для того, чтобы саму науку сделать возможной [18. Р. 67–68]¹. Но в чем тогда специфика менталистских идиом? И почему они не участвуют в этом процессе продвижения к научным понятиям? Это тем более странно, что Куайн, казалось бы, посвятил немало времени исследованию именно того, как возникает наша наивная семантика и связанная с ней онтология, прежде чем мы перейдем к онтологиям научных теорий.

Дэвидсон, в свою очередь, указывает на то, что описание и объяснение возникновения мышления (с присущим ему менталистским словарем) является очень сложной задачей, если вообще выполнимой [8. Р. 4–7; 7. Р. 259]. Причем это касается эволюции мышления как в историческом плане, так и в индивидуальном. Одной из причин этого является холизм ментального, т.е. уже упомянутая взаимозависимость ментальных состояний: ни одно из

¹ Интересно, что Куайн решает проблему образования общих понятий и перехода от предложенных наблюдений к вечным предложениям, столь существенным для возникновения научной семантики, вполне в берклианском духе [См.: 18, Р. 64–65].

них не может существовать автономно от остальных, и концептуальное содержание каждого из них во многом определяется отношениями с другими состояниями. Вообще, принципиальной чертой холизма Дэвидсона является то, что для него нет особой разницы между семантическим холизмом и холизмом ментального. Действительно, развитие навыков речи и мышления у человека идет параллельно, взаимно обуславливая друг друга, однако без того, чтобы одно всецело сводилось к другому или зависело от него. Тем не менее Дэвидсон также лишь констатирует, что мы *каким-то* образом обучаемся приписывать друг другу ментальные состояния (или пропозициональные установки) с помощью предложений нашего языка. Вслед за Куайном он лишь указывает на важность квантификационной структуры языка для обретения ребенком онтологии, т.е. обретения способности к индивидуации как наблюдаемых, так и ненаблюдаемых объектов [6. Р. 133–134; 8. Р. 13].

В данном контексте интересен тот шаг в направлении реабилитации наивной семантики, который сделал У. Селларс. Будучи еще одним известным критиком идеи ментальных сущностей под видом чего-то «данного» сознанию, а также отстаивая наряду с Куайном семантический холизм и, более того, будучи первым, кто спроецировал этот холизм на всю сферу ментального, Селларс тем не менее сделал попытку реконструировать возникновение наивной семантики в виде так называемого мифа о Джонсе [11]. Вкратце, речь в этой реконструкции идет об изобретении способа приписывать непосредственно не наблюдаемые «мысли» на основе наблюдаемого вербального поведения. Семантическая структура «мыслей» тогда оказывается лишь отражением семантической структуры произносимых предложений. Мысли и пропозиции – это результат интернализации внешней речи, которая начинается с интерпретации сначала чужого поведения, а заканчивается способностью приписывать мысли уже себе и непосредственно сообщать о них. Мышление, таким образом, как вторая, «внутренняя» речь является не более чем квазитеоретическим объектом, пользоваться которым нас обучают для того, чтобы интерпретировать и предсказывать рациональное поведение окружающих нас людей, причем даже в тех случаях, когда они молчат. Однако нас приучают рассматривать внешнюю речь и все рациональное поведение в целом как кульминацию этой «внутренней речи». Затем похожим образом вводится понятие чувственных данных, или впечатлений, как внутренних ментальных копий внешних вещей и событий. Именно так у Селларса значение и ментальные объекты появляются на сцене.

Такой подход Селларса во многом согласуется с точкой зрения Куайна и Дэвидсона относительно возникновения у нас не только мышления, но и интуитивных представлений о нем. Более того, он дополняет ее многими существенными деталями. Однако, подобно Куайну и Дэвидсону, Селларс все-таки не объясняет, как именно происходит это обучение менталистскому словарю в рамках его реконструкции. Речь у него в основном идет о выгодах и удобстве в использовании этого словаря для интерпретации и коммуникации с другими людьми. Все выглядит так, как если бы мы, в принципе, могли бы говорить и без использования этих случайно изобретенных менталистских идиом. К тому же Селларс рассматривает саму идею ментальных объектов, или сущностей, прежде всего как теоретическую интуицию, т.е. преимущественно как результат теоретизирования философов Нового времени. Именно

они, полагает Селларс, превратили чисто инструментальные идиомы, имеющие значение только в практической сфере, в отдельную категорию вещей, требующих своего объяснения [11. Р. 132–133, 156–161]. Разумеется, впоследствии уже в обогащенном философией виде эта идея ментальных сущностей, возможно, вернулась в повседневные представления о языке и мышлении, т.е. в наивную семантику. Но, даже заявив, что он намерен «защитить ... обновленный классический анализ нашего повседневного представления о мыслях» [11. Р. 178], Селларс интересуется, прежде всего, философскими идеями «внутреннего» пространства и наполняющих его сущностей. При этом он почти ничего не говорит о том, откуда появилось само представление о ментально внутреннем человека как инструменте интерпретации наивной семантики. А ведь именно это представление наивной семантики философы и позаимствовали, чтобы населить внутреннее ненаблюдаемое пространство новыми обитателями: чувственными данными, переживаниями, идеями и т.д.

В целом, можно сказать, что современные исследования в области формирования и развития наших лингвистических способностей часто воспроизводят критическую позицию указанных авторов по отношению к наивной семантике, оставляя в стороне многие вопросы относительно деталей и причин ее возникновения (или, в лучшем случае, оставляя решение этой задачи для исследований психолингвистики и возрастной психологии). Однако у нас по-прежнему нет ответа на вопрос о причинах возникновения наивной семантики, ее устойчивом (практически навязчивом) характере, а также о том влиянии, которое она оказывает на формирование научных понятий¹. Тем самым роль и значение наивной семантики для изучения связи между мышлением и языком остается не до конца проясненной, а само исследование, предпринятое с целью натурализации семантики и эпистемологии, – незавершенным. Поэтому необходимо попытаться восполнить этот пробел, причем как с помощью работ самих Куайна, Дэвидсона и Селларса, так и на основе экспериментальных данных современной психологии.

Действительно, ключи к пониманию роли наивной семантики в развитии мышления и овладения языком есть у тех же Куайна, Дэвидсона и Селларса. Однако направление исследования в данном случае должно быть обратным. Куайн и Дэвидсон, отталкиваясь от основных принципов наивной семантики, представленных в классической семантике Фреге и Рассела, двигались в сторону семантической неопределенности и аномальности, а также референциальной непрозрачности и (в случае Куайна) онтологической относительности, чтобы обнаружить их там, где на первый взгляд (разумеется, наивный) их нет. Однако для завершенности их исследования недостает обратного хода. Отталкиваясь от той тотальной семантической и онтологической неопределенности, которая характеризует первые годы развития ребенка, необходимо понять, каким образом мы приходим не только к устойчивой онтологии самостоющих объектов повседневной жизни, но и к той наивной семантике, которая характеризует наши интуитивные представления о ментальных состояниях, языковых значениях и истине.

¹ Не дает такого ответа и совсем недавняя попытка реабилитировать наивную семантику, предпринятая Т. Крейном [См. 3].

Литература

1. Дэвидсон Д. Мнения и основания значения // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Практикс, 2003. С. 202–220.
2. Дэвидсон Д. О местоимении «что» // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Практикс, 2003. С. 141–161.
3. Crane T. The Objects of Thought. Oxford: Oxford University Press, 2013.
4. Dohlgren K. Naive semantics for Natural Language Understanding. Boston: Kluwer Academic Publishers, 1988.
5. Davidson D. Knowing One's Own Mind // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 15–38.
6. Davidson D. The Emergence of Thought // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 123–134.
7. Davidson D. The Material Mind // Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 245–259.
8. Davidson D. The Problem of Objectivity // Davidson D. Problems of Rationality. Oxford: Clarendon Press, 2004. P. 15–38.
9. Davidson D. What is Present to the Mind? // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 53–68.
10. Hayes P.J. The Second Naive Physics Manifesto // Formal Theories of the Commonsense World, (ed.) J. Hobbs, B. Moore. Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation, 1995. P. 1–36.
11. Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind // Sellars W. Science, Perception, and Reality. New York: The Humanities Press, 1963. P. 127–196.
12. Quine W.V. Existence and Quantification // Quine W. V. Ontological Relativity and Other essays. New York: Columbia University Press, 1969. P. 91–113.
13. Quine W.V. Mind and Verbal Dispositions // Quine W. V. Confessions of a Confirmed Extensionalist and Other Essays (Ed. by D. Føllesdal and D. B. Quine). Harvard: Harvard University Press, 2008. P. 244–256.
14. Quine W.V. Mind, Brain, and Behavior // Quine W. V. Confessions of a Confirmed Extensionalist and Other Essays (Ed. by D. Føllesdal and D. B. Quine). Harvard: Harvard University Press, 2008. P. 347–351.
15. Quine W.V. Propositional Objects // Quine W. V. Ontological Relativity and Other essays. New York: Columbia University Press, 1969. P. 139–160.
16. Quine W.V. Speaking of Objects // Quine W. V. Ontological Relativity and Other essays. New York: Columbia University Press, 1969. P. 1–25.
17. Quine W.V. States of Mind // Quine W. V. Confessions of a Confirmed Extensionalist and Other Essays (Ed. by D. Føllesdal and D. B. Quine). Harvard: Harvard University Press, 2008. P. 323–326.
18. Quine W.V. The Roots of Reference. La Salle, IL: Open Court, 1974.
19. Quine W.V. Word and Object. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960.

Rogonyan Garris S. National research university higher school of economics, Saint-Petersburg School of Social Sciences and Humanities (Saint-Petersburg, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/34/13

IN DEFENSE OF NAIVE SEMANTICS AND ITS OBJECTS

Keywords: naïve semantics, propositional attitudes, mentalism, holism

The aim of this paper is to explore how from an early age a person acquires an intuitive ideas about what are the thought and language, and how they relate to each other. The sum of intuitions of this kind can be called naïve semantics, which is often one of the main targets for philosophical criticism. The overall objective of the paper is to show that such criticism is largely underestimates the value of naïve semantics for our intellectual development and cognition, and that it usually incorrectly describes the origins of naïve semantics. In particular, the use of mentalistic idioms that characterize naïve semantics is not a secondary or parasitic functioning of language, but a necessary and preliminary step in mastering of abstract, including scientific, concepts.

References

1. Davidson, D. (2003a) *Istina i interpretatsiya* [Inquiries into truth and interpretation]. Translated from English by A.A. Veretennikov et al. Moscow: Praksis. pp. 202–220.
2. Davidson, D. (2003b) *Istina i interpretatsiya* [Inquiries into truth and interpretation]. Translated from English by A.A. Veretennikov et al. Moscow: Praksis. pp. 141–161.
3. Crane, T. (2013) *The Objects of Thought*. Oxford: Oxford University Press.
4. Dahlgren, K. (1988) *Naive semantics for Natural Language Understanding*. Boston: Kluwer Academic Publishers.
5. Davidson, D. (2001a) *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press. pp. 15–38.
6. Davidson, D. (2001b) *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press. pp. 123–134.
7. Davidson, D. (1980) *Essays on Actions and Events*. Oxford: Clarendon Press. pp. 245–259.
8. Davidson, D. (2004) *Problems of Rationality*. Oxford: Clarendon Press. pp. 15–38.
9. Davidson, D. (2001c) *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press. pp. 53–68.
10. Hayes, P.J. (1985) The Second Naive Physics Manifesto. In: Hobbs, J. & Moore, B. (eds) *Formal Theories of the Commonsense World*. Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation. 1995. pp. 1–36.
11. Sellars, W. (1963) *Science, Perception, and Reality*. New York: The Humanities Press. pp. 127–196.
12. Quine, W.V. (1969a) *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press. pp. 91–113.
13. Quine, W.V. (2008a) *Confessions of a Confirmed Extensionalist and Other Essays*. Harvard: Harvard University Press. pp. 244–256.
14. Quine, W.V. (2008b) *Confessions of a Confirmed Extensionalist and Other Essays*. Harvard: Harvard University Press. pp. 347–351.
15. Quine, W.V. (1969b) *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press. pp. 139–160.
16. Quine, W.V. (1969c) *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press. pp. 1–25.
17. Quine, W.V. (2008c) *Confessions of a Confirmed Extensionalist and Other Essays*. Harvard: Harvard University Press. pp. 323–326.
18. Quine, W.V. (1974) *The Roots of Reference*. La Salle, IL: Open Court.
19. Quine, W.V. (1960) *Word and Object*. Cambridge, Mass.: MIT Press.